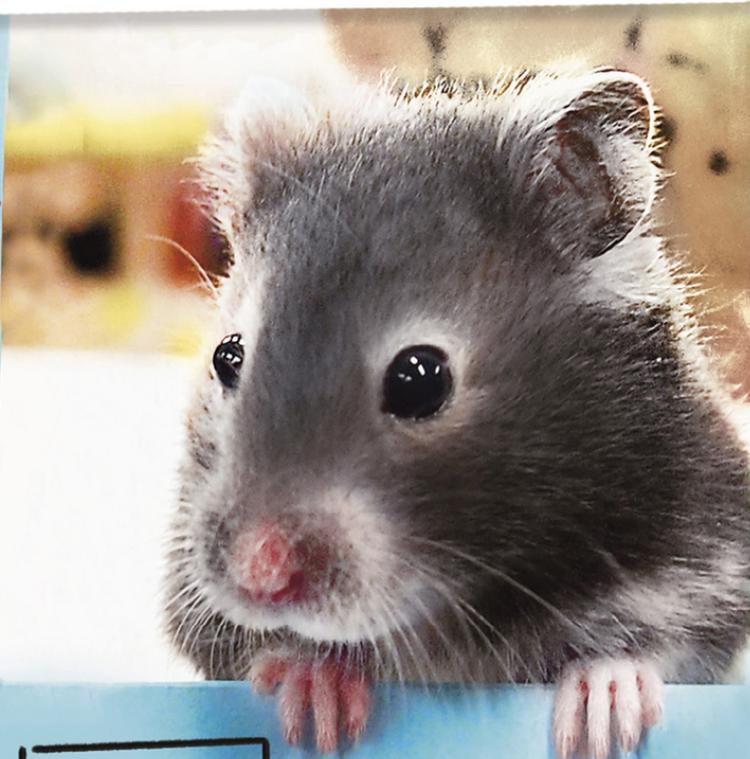

Мари-Од Мюрай

СПАСИТЕЛЬ

И СЫН

1
СЕЗОН

САМОКАТ
СЕРИАЛ

Спаситель и Сын

Мари-Од Мюрай

Спаситель и сын. Сезон 1

«Самокат»

2016

УДК 821.133.1-31(02)

ББК 84(4Фра)6-44

Мюрай М.

Спаситель и сын. Сезон 1 / М. Мюрай — «Самокат»,
2016 — (Спаситель и Сын)

ISBN 978-5-91759-775-1

Когда тебя зовут Спаситель, сложно не чувствовать себя ответственным за спасение мира. Спасителю Сент-Иву (рост 1 м 90 см, вес 80 кг, чернокожий) предстоит спасти Марго (14 лет), которая режет себе руки; Элли (12 лет), которая падает в обморок на уроках латыни; Сирила (9 лет), который до сих пор писает в постель; трех сестер Оганёр (5, 14 и 16 лет), чья мама ушла от папы к подруге... Спаситель Сент-Ив – клинический психолог. Но получается так, что, работая с чужими проблемами, Спаситель забывает о своих собственных. Почему он не говорит с восьмилетним сыном Лазарем о его матери, которая погибла в автокатастрофе? Почему никогда не показывает ему фотографии их свадьбы? И почему на обложке хомяк?

УДК 821.133.1-31(02)

ББК 84(4Фра)6-44

ISBN 978-5-91759-775-1

© Мюрай М., 2016

© Самокат, 2016

Содержание

Неделя	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мари-Од Мюрай

Спаситель и сын

1 сезон

Marie-Aude Murail © Claude Riva
Original title: Sauveur & Fils (saison 1)

Text by Marie-Aude Murail
© 2016 L'école des loisirs, Paris

© М. Ю. Кожевникова, Е. Л. Кожевникова, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

* * *

Француженка **Мари-Од Мюрай** – знаковая фигура в мировой подростковой литературе, автор более 90 книг, переведенных на 22 языка. Российскому читателю она известна по книгам «Oh, boy!», «Умник», «Голландский без проблем» и роману «Мисс Черити».

«**Спаситель и сын. Сезон 1**» – начало увлекательной саги, очень честной, иногда смешной, иногда страшной, о детях, взрослых и их непростых отношениях. Роман построен по принципу сериала: есть главный герой, детский клинический психолог, его сын восьми лет и их сквозная история. Есть пациенты, и каждый пришел к доктору не просто так.

Если не знаешь, куда идти дальше, вспомни, откуда пришел.
Африканская поговорка

Неделя с 19 по 25 января 2015 года

Спаситель мягким движением открыл дверь приемной. Обычно те, кто видел его впервые, не могли скрыть удивления, если их не предупредили заранее.

– Мадам Дютийо?

Мать глядела на него во все глаза, дочь угрюмо уставилась в пол.

– Вам назначено на сегодня. Меня зовут Спаситель Сент-Ив. Прощу вас!

Он указал на дверь своего кабинета в конце коридора и посторонился, пропуская дам вперед. Проходя мимо него, мадам Дютийо, сорокалетняя шатенка в узких джинсах, нервно застегнула молнию кожаной куртки. Марго, девочка лет четырнадцати, откинув за спину длинные волосы и еще более длинный шерстяной шарф, плотнее закуталась в пуховик, будто спряталась в кокон.

Первый визит – момент ответственный. Для Сент-Ива, психолога, каждый бессознательный жест пациенток был говорящим. Марго и ее мать прошли всего несколько шагов по коридору, а он уже понял: старшая ему не доверяет, младшая настроена крайне враждебно.

– Ну и куда мне сесть? – высокомерно процедила Марго.

– Выбирайте, где вам удобнее, а мне оставьте мое кресло. – У Спасителя был мягкий, завораживающий голос Нэта Кинга Коула, он словно бы пел: «Unforgettable, that's what you are...»¹

Мадам Дютийо уселась на краешек кушетки, выпрямилась, положила руки на тесно сведенные колени. Марго отодвинулась от нее как можно дальше, швырнула рюкзак на пол, развалилась, свесила руку с подлокотника. Длинный шарф подметал пол. Ни та ни другая не ожидали, что психолог окажется здоровенным чернокожим парнем под два метра ростом. Впрочем, одет он был в хорошо сшитый костюм, правда, без галстука, и держался непринужденно.

– Вы что, доктор? – спросила мать с наивной прямоотой.

– Я психолог.

– Уф-ф! – выдохнула Марго, будто из воздушного шарика выпустили воздух.

Ей было ужасно жарко. Заклепки на воротнике врезались в щеки. Но пуховик она ни за что не снимет, не расстанется со своей броней.

– Да, жарковато тут, – посочувствовал ей Спаситель. – Позволь спросить, что случилось? Почему ты пришла ко мне? Твоя мама упоминала о каких-то «неприятностях в школе»...

– Ясно, что не сама сюда притащилась! – огрызнулась Марго. – Из-за нее все... Нашлась, тоже мне...

«Нашлась, тоже мне...» Кто? Мама? Скорей всего. Но нет!

– Вы только не обижайтесь, – поддержала дочь мадам Дютийо. – Я бы тоже, будь моя воля, к вам ни ногой.

– Выходит, вас обеих насильно заставили со мной общаться, – заключил Спаситель. – Поверьте, мне очень жаль.

Тихий ангел пролетел. Наверное, под самым потолком, потому что именно туда Марго вперила злобный взгляд.

– Нас прислала к вам школьная медсестра, – нарушила молчание мадам Дютийо. – Мадам Сандоз.

---

¹ «Ты незабываема» – песня Нэта Кинга Коула (1919–1965), американского джазового певца.

– Шпионка проклятая, – театральным шепотом добавила Марго.

– Она весь класс проверила... Всю школу.

Мадам Дютийо опасно поглядывала на дочь, зная, что любое неосторожное слово подожмет масла в огонь и последует взрыв.

– Велела ученицам закатать рукава... Ученикам тоже, но у мальчиков такое реже встречается...

– Реже! Ты-то откуда знаешь? – послышался ядовитый шепот.

– Это у них мода такая. Раньше тату увлекались, пирсингом, а теперь...

– Мода, мода! Ври больше! – проворчала дочь с противоположной стороны кушетки.

Бедная женщина никак не могла признаться, что же именно привело их к психологу. Сент-Ив пришел ей на помощь.

– Не тату, не пирсинг, а каттинг, да?

Он счел, что английское слово прозвучит мягче, чем «самоповреждение», мрачный канцеляризм.

– Медсестра не так это называла, – пролепетала мадам Дютийо. – Но вы ведь лучше нее разбираетесь...

Спаситель развернул кресло к Марго.

– У нескольких человек в твоём классе она что-то обнаружила, так?

Девочка вдруг расправила плечи и сообщила с гордостью:

– У меня и еще у троих.

Спаситель повернулся в другую сторону – теперь он обратился к мадам Дютийо:

– Вы не знали об этом?

Марго злорадно хихикнула:

– Нет, конечно! У дочки всегда рукава длиннющие, рук не видно.

Отвечая на вопрос, она судорожно теребила на запястье браслет из причудливо согнутой вилки.

– Как оригинально!

Спаситель старался каждому сказать что-нибудь приятное.

– Вы о чем? Ах, это! Спасибо, что заметили, хотя... – Мадам Дютийо неожиданно смутилась. – Я сама его сделала. Знаете, хобби у меня такое. Бижутерия. Для себя в основном. Но, бывает, продаю кое-что... Подругам.

– Пф-ф! – фыркнула Марго.

Они пришли сюда с ее проблемами разбираться или о маминых побрякушках болтать?!

Спаситель почувствовал: девочка вот-вот замкнется, отгородится полностью. Еще немного, и понадобится не вилка, а устричный нож... Он поспешил сменить тактику:

– Вы не могли бы ненадолго оставить нас, мадам Дютийо? Пожалуйста, подождите в приемной.

– Мне уйти? Уже? Да мы только начали!

– Не обижайтесь. Но, вполне возможно, Марго поначалу трудно при вас... высказывать свою точку зрения.

Мадам Дютийо медлила. Лучше бы ей остаться и посмотреть, как пойдет дело.

– Совсем ненадолго, минут на пятнадцать. Там много журналов. Обратите внимание, Национальное географическое общество целый номер посвятило обезьянам бонобо, интересные статьи!

Он что, издевается? Или из вежливости советует?

Спаситель проводил мадам Дютийо до приемной, вернулся, не спеша закрыл дверь, медленно подошел к столу, взял ежедневник и принялся стоя его перелистывать. Затем снова уселся в кресло.

– Значит, ты считаешь, что тебе здесь делать нечего? – обратился он наконец к Марго.

– А меня никто не спрашивал. Медсестра объявила матери, что, если меня не покажут немедленно мозгоправу, поездка в Рим в марте месяце мне не светит.

– Школьная поездка?

– Для тех, кто учит латынь. Для девчонок наших. В группе у нас одни девочки.

– Ты и те трое?

– Не только.

Внезапно из кокона-пуховика проклюнулась совсем другая Марго. И умильно захлопала ресницами.

– Пожалуйста, доктор, выпишите мне справку! Типа «Марго не псих». Или «Марго – псих, но это лечится». – Она умоляюще сложила руки. – Без справки меня в Рим не пустят, и я повешусь! Поймите, я с десяти лет пламенная фанатка Нерона!

Спаситель одобрительно кивнул. Он всегда радовался, если подросток проявлял находчивость, чувство юмора, характер, а тут еще и кругозор...

– Ты чем режешься – ножом или лезвием? – спросил он так, будто осведомлялся, чем она предпочитает рисовать: гуашью или акварелью.

Марго опять зарылась в пуховик.

– Любопытных ненавижу!

И тут же спохватилась: испугалась, что все испортила, что справки ей не видать...

– Я не то хотела сказать...

– Нет, ты права. Любопытных лучше посылать куда подальше.

Тут его осенило, и он сообщил с улыбкой:

– Мои предки уж точно резали себя! Стоит придумать что-то прикольное, белые сейчас же всё слижут. Блюз, рэп, тату, пирсинг, каттинг – это же всё наша культура! – Он свирепо завращал глазами. – Негритянская!

Спаситель нарочно пошутил про негров, чтобы девочка расслабилась, перестала отгонять мысль о том, что он черный. Марго душил смех, но в ответ она снова только презрительно фыркнула.

– А что говорит о твоих шрамах школьная медсестра? – поинтересовался Сент-Ив.

– Что дело плохо. Что я веду себя плохо. Что мне самой плохо. Одно из трёх. Или всё вместе.

Марго яростно теребила левый рукав, будто выдирала из него, как нитки, короткие фразы.

– Так дадите мне справку?

– Поездка в марте? Что ж, времени у нас достаточно.

– Времени достаточно? Вы мне психоанализ не втюхивайте, я не за тем пришла!

Девочке действительно плохо? Если да, то насколько? За неё на этот вопрос могут ответить шрамы: они бывают на руках, на предплечьях, даже на бёдрах. Много ли ран, насколько они глубоки, как расположены... Возможно, она нанесла их себе, подражая кому-то, в знак принадлежности к некой группе. Или поддалась тяге к саморазрушению? Прежде у Сент-Ива не было пациентов с подобными проблемами, однако он знал о них куда больше, чем дал понять Марго. Статистика утверждает, что новоявленной «моде» следуют 5–10 % подростков, по преимуществу девочки от 13 до 15 лет. Впрочем, данные не вполне достоверны, ведь делается это втайне.

– Считаешь, много шума из ничего?

– Вот-вот. Нет бы реальными проблемами заняться!

– Реальными – это какими?

– Ну, к примеру, я задолбалась с матерью жить. Вот РЕАЛЬНАЯ проблема!

Спаситель понял, что ему удалось ухватить путеводную нить, и с тревогой взглянул на циферблат больших круглых часов, висящих напротив стола. У него осталось всего несколько минут на то, чтобы отыскать центр лабиринта.

– А твои родители давно развелись?

– Папа ушёл от мамы, когда мне было десять. – Она решительно вскинула руку, как бы заранее возражая. – Я на него не в обиде. Она его довела. Прямо со свету сживала.

– Сживала со свету?

– Ну да, мы с ним всё обсудили. – Марго опять преисполнилась высокомерия, гордясь доверием отца. – Вам когда-нибудь приходилось жить с депрессивной женщиной?

– Депрессивной? – удивился Сент-Ив.

Ни единого признака депрессии у мадам Дютыйо он не заметил.

Его недоверие возмутило Марго, она принялась горячо доказывать, что её мать – редкая зануда и всех замучила постоянной подавленностью, тревожностью, мнительностью.

– Вечно за мной шпионит, шагу ступить не даёт. Пришла к подруге – отправляй эсэмэску, букву «д», то есть «добралась». Уходишь домой – шли «в».

– Кого? – растерялся Спаситель.

– Не кого, а что. «В» – «выхожу», значит.

– Большой беды не вижу, просто мама за тебя волнуется. Понимаю, иногда это бесит, но она желает тебе только добра.

– Желает добра? Ничего умней не придумали? Тоже мне, психолог дипломированный!

– Прости, – виновато кивнул Спаситель. – Постараюсь повысить свой уровень.

Кротость взрослого смутила Марго. К fair play² девочка не привыкла. Заговори она подобным образом с учительницей, та бы вкатила ей замечание в дневник.

– А с отцом вы дружите? – поинтересовался Спаситель.

– Еще бы, он же мой отец! – выкрикнула Марго задиристо, будто Сент-Ив пытался оспорить этот факт. – Я живу неделю у него, неделю у матери.

Месье Карре – Марго носила его фамилию – работал судебным приставом, и, по словам дочери, «бабла у него завались», он покупает ей фирменные шмотки, и только он один ее понимает. Жаль только, что жена у него тупая лохушка.

– Тупая лохушка, – повторил задумчиво Сент-Ив.

– Зато они родили мне классного полубрата.

– Родили классного полубрата.

– Ему три года, он зовет меня Маго. А вы всех передразниваете или только меня?

– Я не передразниваю. Я проверяю, верно ли понял.

– Фишечка! Величайшее достижение психологии? – съязвила Марго. – Ну что, теперь поговорим о моей матери? Так вот, она преподает французский в профтехучилище в Саране. На уроках ее никто не слушает, у них там предел мечтаний – устроиться продавщицей в «Пимки»³. И каждый вечер она нам заявляет, что ей пора менять профессию. Но самое страшное я приберегла напоследок: у меня еще есть родная сестра, ей одиннадцать, она начинталась манги и теперь считает себя би.

– Ты пришла ко мне с мамой. А отец знает, что с тобой происходит?

– Вы ведь ему не скажете, обещаете? Он ничего не знает. Ни-че-го-шень-ки! – Отчеканивая каждый слог, она яростно проводила указательным пальцем по левому запястью, будто хотела его отсечь. – Папе и так достается от младшей с ее бреднями и от мамы – у той вечно бабок нету. Хватит с него! Оставьте человека в покое! И ко мне не лезьте. Вы мне справку дадите? Или как?

---

² Игра на равных (англ.).

³ «Пимки» – бренд и магазины яркой женской одежды.

– Я знаком с мадам Сандоз и непременно черкну ей пару строк, – ответил очень ласково Спаситель.

– И что вы ей черкнете?

– Что ты можешь ехать с классом в Рим, никаких препятствий я не вижу.

Казалось бы, разговор окончен, цель достигнута, но Марго явно не испытывала ни малейшего облегчения. Напряглась еще больше, даже вперед подалась от волнения.

– Однако еще пара встреч со мной или с другим психологом тебе, на мой взгляд, не повредит. Нужно же с кем-то обсудить РЕАЛЬНЫЕ проблемы.

Девочка едва слышно пробормотала: «Да». Потом спросила:

– Ну а ее мы когда позовем?

– Хочешь, чтобы я сходил за твоей мамой?

Вместо ответа Марго посмотрела психологу прямо в глаза и вдруг закатала рукав, выпростала левую руку из пуховика и свитера. Поморщилась, потому что ткань задела свежие порезы. Одна из ран открылась, выступили капли крови.

Спаситель скорее протянул девочке бумажный платок, не подавая виду, что ему больно видеть неровные полосы шрамов от запястья до самого локтя.

– Мать так психанула, что все ножи на кухне попрятала, даже тупые, – насмешливо процедила Марго, промокая кровь платком.

– И я бы попрятал на ее месте. Но у тебя есть свой, специальный?

– Да. Сначала полосовала руку циркулем. Еще в начальной школе, мне было лет десять. Наперегонки с подругой. Старались резать до крови и смешивали кровь... Теперь мы с ней кровные сестры.

При воспоминании о трогательных детских шалостях она улыбнулась.

– Вы дружите по-прежнему?

– Нет, она умерла.

Искреннее сочувствие Спасителя развеселило Марго.

– Купи-и-ились?! Нет, она просто переехала, мы теперь общаемся по скайпу. Недавно залила видос на YouTube: вырезает бритвенным лезвием на руке сердечко, кожу снимает на сантиметр, и видно точно, это ее рука; кровища хлещет, а она ею выводит «LOVE» по краю раковины. Под «Боль»⁴, представляете? 50 000 просмотров! «Would you tell me I was wrong? Would you help me understand?»⁵ – мечтательно пропела Марго вполголоса.

Взгляд застыл, сейчас девочка смотрела внутрь себя, и Спаситель догадался, что подобные сцены ее завораживают – правда, сама она никогда не решалась на такой подвиг, до подруги ей далеко.

– Слышали хоть раз? Конечно, это музыка не вашего поколения, но хоть имя Кристины Агилеры вам знакомо?

– Ты спросила: «Would you help me understand?» Отвечаю: «Да. Я помогу тебе понять». В этом смысл терапии. Мне кажется, тебе плохо, и уже довольно давно. Пора поделиться с кем-то, кто никому ни о чем не расскажет.

Марго открыла рот, будто хотела возразить или согласиться, но у нее задрожали губы, и она молча скрыла двойным рукавом запястье, обернутое бумажным платком. Спаситель выдержал паузу, затем отправился за мадам Дютийо – та с увлечением читала статью «Необычное сексуальное поведение обезьян бонобо» в журнале Национального географического общества.

Как только мама уселась на кушетку рядом с дочерью, психолог сообщил ей:

– Марго непременно поедет со школой в Рим. Но нам с ней необходимо многое обсудить. Жду ее в понедельник, в восемнадцать ноль-ноль, если не возражаете.

---

⁴ Песня Кристины Агилеры.

⁵ «Ты сказал бы мне, что я не права? Помог бы мне понять?» (англ.)

– Не имеет смысла вас больше беспокоить, раз вы напишете школьной медсестре!
– Мам! Ты что, врач? – подала голос Марго.
– Я не смогу ездить сюда каждый понедельник! – возмутилась мадам Дютийо. – У меня еще младшая дочь есть, Бландина. Она не любит долго оставаться одна, ей страшно.
– Марго может приходить и без вас, – терпеливо возразил Спаситель.
– Мы живем довольно далеко, – упорствовала мадам Дютийо.
– Мама, я доеду на автобусе без проблем! – прошипела девочка в крайнем раздражении.
– Сейчас на улицах небезопасно, сами знаете.
– Прекрати! «Боко Харам»⁶ меня не украдет! – завопила Марго, ее терпение лопнуло. – Пришлю тебе «д» и «в», успокойся!

Мадам Дютийо испуганно покосилась на Сент-Ива: как тот воспринял неприличный скандал? Неуловимая усмешка скользнула по его губам, обведенным тонкой линией усов и бородкой, словно заключавшими улыбку в скобки. Спаситель решил, что взрывов больше не будет, пробормотал: «Отлично!», сел в свое кресло, подъехал к столу, достал из папки бланк осмотра и в наступившей тишине написал заключение.

Запечатал его в конверт и передал мадам Дютийо.

– Вот, пожалуйста, для мадам Сандоз.
– Сколько я вам должна?
– Сорок пять евро.
– Полагаю, страховка ваших услуг не покрывает?
– Вы правы, не покрывает.

Марго тяжело вздохнула, ей было стыдно за мать.

– Итак, оставляю для вас время. Следующий понедельник, восемнадцать часов, – сказал Сент-Ив на прощание, проводив их до выхода. – Обсудите всё между собой и сообщите мне о своем решении.

На пороге мадам Дютийо шепнула дочери: «В следующий понедельник ты едешь к отцу. Может, скажешь ему?» Марго в ответ недовольно фыркнула. Это было последним, что слышал психолог. Придут ли они опять? Неизвестно. Между тем состояние девочки хорошим не назовешь. Спаситель поднял руки и с хрустом потянулся. Как же он устал! Потом миновал коридор и вошел в дверь, отделявшую его профессиональную жизнь от личной.

* * *

В светлой уютной кухне, выходящей на веранду, за потемневшим от времени простым деревенским столом сидел маленький темнокожий мальчик. Он вытряхнул из школьного рюкзака все содержимое и делал уроки. Но если бы Спаситель не был так озабочен судьбой резавшей руки девочки, он бы заметил, что сын его возбужден, запыхался и нервно тербит карандаш.

– Трудисься? С твоей учительницей лениться не приходится. – Сент-Ив ласково погладил курчавую головенку. – Слушай, а что, если мы поужинаем хот-догами с кетчупом? Идет?

– Идет! – обрадовался Лазарь – А можно... Можно я немножко посижу за твоим компом? Мне нужно кое-что найти.

– Что найти?

– Кое-что. Про кожу.

Спаситель удивленно вскинул бровь. Про кожу?

---

⁶ «Боко Харам» – радикальная нигерийская исламистская организация, запрещенная в России.

– Ну да. Потому что Поль, мой друг... Ты же помнишь Поля? Он упал на перемене и все руки себе ободрал. Тогда учительница велела, чтобы мы все узнали о коже. Как она заживляется.

Спаситель не верил в совпадения, такова привычка психолога. Но как связаны между собой Марго, которая нарочно режет руки, и Поль, который упал случайно? Непонятно. Сент-Ив не знал, что и сказать.

– Так можно мне за твой комп? Можно? – не отставал Лазарь.

– Можно. Только разбирайся с ним сам. Ко мне придет еще кое-кто. Ненадолго. А потом сварганим хот-доги, договорились?

Он думал, что сына огорчит его отсутствие, но тот лишь рассеянно кивнул в ответ. Так что огорчился и тяжело вздохнул не мальчик, а, идя к двери, Сент-Ив.

– Папа, стой! – вдруг окликнул его Лазарь. – Что такое желтое, страшное-престрашное?

– Сынок, не знаю, мне пора, – взмолился Спаситель, нажимая на ручку.

– Цыпленок с автоматом!

Сент-Ив хохотнул, чтоб не обидеть сына.

– До скорого! Я мигом.

Три стремительных широких шага, и он уже в приемной.

– Мадам Пупар, добрый вечер! А что Габен? Он сегодня задерживается?

– Габен не захотел со мной идти. Вы же знаете, какой он упрямый! А если не в настроении...

Габен Пупар уже перешел учиться в лицей. Лечащий врач направил его к Сент-Иву потому, что, какие бы ни назначал препараты, не мог справиться с хронической бессонницей подростка. Спаситель общался с Габеном дважды, но пока не определил, в чем причина недомогания. К тому же мать постоянно переключала его внимание на себя. Вот и сегодня она словно приросла к стулу, обвила себя руками и, раскачиваясь, как кобра, пожирала психолога темными глазами с лихорадочным блеском.

– Что ж, проходите, пожалуйста, в кабинет, – пригласил Сент-Ив, стараясь не утратить ласковой и проникновенной интонации лирического певца.

Спаситель и сам не понял, как дал себя заговорить мадам Пупар, но, как только она уселась на кушетку, сразу полился нескончаемый пересказ фильма с Анджелиной Джоли. Диск ей недавно одолжила сестра; так вот, там показана ее собственная история, точь-в-точь! Это случилось три года назад, вы ведь помните, доктор Спаситель, я вам в прошлый раз говорила, как меня положили в лечебницу из-за депрессии?

Оглушенного потоком слов, окончательно запутавшегося в коллизиях и сюжетных поворотах «Подмены», Сент-Ива так и подмывало спросить: «Что такое желтое, страшное-престрашное?»

– Полицейские приводят домой сбежавшего мальчика, а она, я про Анджелину Джоли, то есть в фильме ее, конечно, зовут иначе, она видит, что это не ее сын! Похож. Очень. Но не он. Анджелина говорит об этом полицейским, а они ей не верят. Никто не верит, представляете?!

– Так-так, – буркнул в ответ Спаситель, мучительно припоминая, остался ли еще в холодильнике кетчуп.

– То же самое случилось со мной! – с пафосом заключила мадам Пупар, ломая руки. – Три года назад моя сестра присматривала за Габеном, пока я лечилась...

– От депрессии? – подсказал Сент-Ив.

– От вечной моей депрессии. Я месяц провела в санатории, а когда вернулась, сестра привезла мне сына, только это был не он. Похож как две капли воды. Но совсем другой мальчик.

Спасителя словно окатили ледяной водой: «Эй, просыпайся!»

– Вы хотите сказать, что, когда сестра привезла вам Габена, у вас возникло ощущение, что это не Габен?

– Естественно! Потому что ЭТО НЕ МОЙ СЫН! Его подменили.

– Как?!

– И по моей истории сняли фильм. Ума не приложу, как они узнали?

Все ясно. У мадам Пупар обострение. Крыша едет. Придется вызывать скорую психиатрическую из Флэри... Бедный Лазарь не дожидается своего хот-дога...

А в другой части дома Лазарь поднялся в отцовскую комнату и включил компьютер. Двигая мышкой, он вспомнил, что на перемене Поль задал ему шуточный вопрос: «Почему у слонов нет компов?» Нужно обязательно спросить про слонов у папы за ужином. А пока займемся научными изысканиями. Но... как пишется «самоповреждение», а? Гугл, на помощь! Ага, нашёл! Так Лазарь вышел на форум, где Скорбь 45 и Джен Эмар Делави делились опытом.

Скорбь 45: «Режусь уже года два. Сначала циркулем царапала, теперь бритвенным лезвием. Все время боюсь, что кто-нибудь заметит на руках шрамы, а скрывать все трудней, их так много!»

Джен Эмар Делави: «А я начала, когда стала подростком. Предки тупили, прикапывались, ничего не понимали. Когда делаю надрез, чувствую: я уже не я, моим сознанием завладела неведомая сила».

Вдруг голос снизу:

– Лазарь!

Мальчик вздрогнул от неожиданности и погасил экран.

– Да, папа?

– Мне нужно отправить пациентку в больницу, меня не будет еще с полчаса. Подождешь?

– Да, папа. – Лазарь снова зажег экран.

Пока не хлопнула входная дверь, возвещая, что Сент-Ив вернулся домой, его сын успел познакомиться с людьми-крокодилами из Новой Гвинеи, которым испещряют насечками спины, так что волдыри напоминают чешуйки и щитки крокодиловой кожи, и с мальчиками из папуасского племени баруйя, которым протыкают нос деревянными палочками.

Только в девять вечера Спаситель и Лазарь наконец поужинали. К сожалению, папа уже знал загадку про слонов (у них нет компов, потому что они боятся мышек), так что пришлось загадать ему про жирафов:

– Почему у жирафов длинные шеи?

– Потому что они едят листья с верхушек деревьев?

– Не-а. Потому что ноги у них воняют.

– А чем Лазарь похож на птичку? Не знаешь? Ты тоже клюешь носом, сынок. Пора баиньки, sleepu time!⁷

– Спокойной ночи, daddy!⁸

Мальчик обожал отца. У него больше не было никого на всем белом свете. Только папа и Поль. Его друг Поль.

– Папа, – спросил Лазарь, пока Спаситель еще не выключил свет, – а это ничего, что у меня всего ОДИН друг?

– У тебя есть ДРУГ? Да ты сказочно богат!

* * *

У папы-психолога прием пациентов начинался с раннего утра, так что в лицей Луи-Гийю Лазарь ходил один с ранцем на колесиках. Во вторник утром ученики второго класса начальной школы, где преподавала мадам Дюмейе, были крайне встревожены недавними событиями

---

⁷ Время спать (англ.).

⁸ Папочка (англ.).

в Париже: террористическими актами 7 и 9 января. Многие уже побывали на площади Республики, принесли цветы или карандаши к пьедесталу Марианны⁹ в память о погибших журналистах.

– За рисунки правда могут убить? – испуганно спрашивал Поль.

– Они не просто рисовали, они дразнились, – ответила маленькая Осеанна. – Учительница говорила, что дразниться нехорошо. Правда, мадам?

– Вот я еврей, – с важностью заявил Ноам. – И есть такие негодяи, которые могут убить человека просто за то, что он еврей.

– Нацисты и Гитлер?

– Нет, арабы.

– Врешь! Я араб! – возмутился Нур.

Мадам Дюмейе попыталась честно ответить детям и все им объяснить, но поняла: ей это не под силу. Тогда она постаралась как можно скорей вернуть их к обычной школьной жизни. «Business as usual»¹⁰, как говорят американцы.

– Рассаживайтесь побыстрее! Жанна, не вертись! Матис, если хочешь что-то сказать, подними руку. Смотрите на доску, я пишу очередную поговорку.

Учительница вывела дату: «20 января». А под ней: «Не давши слова – крепись, а давши – держись».

– Кто мне скажет, что это значит? Да, Матис?

– Я забыл пенал у папы!

– Я спрашивала не о пенале! Осеанна?

– Я забыла у мамы учебник по математике!

Мадам Дюмейе не сдавалась, она вглядывалась в учеников, искала поднятую руку. Нур сидел, уставившись в одну точку; он явно еще не проснулся. Ноам выуживал клей-карандаш, который закатился под парту Осеанны. Поль показывал Лазарю физический опыт: пластиковая линейка, наэлектризованная трением о свитер, притягивала клочки бумаги.

– Поль, немедленно отдай мне линейку! – рассердилась учительница и скрепя сердце объяснила смысл поговорки: «Обещания нужно выполнять».

В классе воцарилась тишина: дети переписывали поговорку в тетради так долго, будто это была «Декларация прав человека и гражданина».

– Если вы НАКОНЕЦ-ТО справились с поговоркой, доставайте – только тихо – тетради по французскому языку! Помните, какую сказку мы с вами вчера прочитали?

Тут учительницу посетило странное, неуютное впечатление, будто перед ней двадцать шесть китайчат, не понимающих ни слова по-французски.

– Видно, вы и головы дома позабыли. – Мадам Дюмейе начала терять терпение. – Сказку про волка, ну же!

– Про во-о-олка! – спохватился класс, и кое-кто из учтивости даже театрально хлопнул себя по лбу.

---

⁹ 7 января 2015 года в редакцию сатирической газеты «Шарли Эбдо» проникли два террориста, братья Саид и Шериф Куаши, и расстреляли редакцию. Погибли главный редактор и карикатурист С. Шарбонне, другие известные карикатуристы и журналисты. Террористы «мстили» за пророка: в начале 2013 года газета публиковала комиксы о жизни пророка Мухаммеда. Братья заявили о своей принадлежности к «Аль-Каиде» (запрещенной в России организации), им удалось скрыться. Боевик Кулибали, связанный с ними, когда было обнаружено место их укрытия, захватил магазин, убил 4 человек, взял в заложники 15 и заявил, что убьет всех, если полиция начнет штурм здания, где укрылись братья. Спецназ штурмовал одновременно магазин и здание, где укрылись братья; в результате террористы были уничтожены. Манифестации солидарности прошли по многим городам Франции. 10 января на площади Республики в Париже, где стоит статуя Марианны, символа Французской республики, была открыта мемориальная доска в память о жертвах теракта. 11 января прошел республиканский марш в память о погибших – погибло за это время 17 человек, – в нем принял участие президент Франции, представители многих других стран, в том числе и России.

¹⁰ Дела идут своим чередом (англ.).

Сказка «Глупый-глупый волк» всем понравилась. Беда в том, что теперь придется выполнять упражнение номер три на странице сорок два: «Как вы поняли прочитанное?»

– А чем я буду писать? – возопил беспенальный Матис.

– Языком. Он у тебя с утра мелет без передышки.

Взрыв хохота. Китайчата любят шутки. Лазарь с тяжким вздохом приготовился письменно отвечать на целых три вопроса:

1) В чем смысл названия сказки?

2) Эта сказка страшная или нет?

3) Знаешь ли ты страшные сказки про волка?

Поль, догадавшись, что краткость – сестра таланта, справился вмиг:

1) Волк глупый.

2) Нет.

3) Да.

Затем попытался доказать, что деревянная линейка Лазаря после трения тоже сможет притягивать бумажки. Но линейка почему-то оказалась непригодной для опыта; тогда ей нашлось лучшее применение: Ноам, сидящий перед Полем, получил отличный шелчок по спине.

– Мадам, Поль дерется линейкой!

Мадам Дюмейе питала слабость к Полю, гению в устном счете и отъявленному лодырю. Но сегодня он провинился дважды, и ее долг – написать ему красной ручкой замечание в дневник. Поль еще не освоил школьных приемов самозащиты, не закричал: «А почему всегда я?!» Он послушно полез в парту, вытащил из ранца выдавший виды дневник и невозмутимо положил его на стол перед учительницей.

– Нет, ты посмотри, сколько раз я писала твоим родителям с начала года! – Мадам Дюмейе изобразила крайнее возмущение.

– Шесть, – бестрепетно ответил нарушитель.

Мадам Дюмейе написала седьмое, самое грозное замечание: «Поль на уроках только развлекается».

За десять минут до звонка класс возбужденно загудел: «Снег! Снег идет!» За окном кружились снежинки. Все повскакали с мест.

– Ладно уж, бегите, – вздохнула учительница. И неумоимо хлопотала в коридоре: – Нур, застегни куртку! Осеанна, надень капюшон! Поль, ты что, перчатки забыл?

– Забыл, мамочка, – ляпнул Поль по рассеянности.

Они шли рядом, плечом к плечу, Поль и его сосед по парте. Мальчики одного роста, оба худенькие, шагали в ногу. «Сладкая парочка!» – кричали им вслед придурки.

После перемены дети вернулись в класс замерзшие, промокшие насквозь, с красными руками и носами. В глубине души они радовались, что вновь оказались в сонном, привычном тепле.

– А теперь быстренько решаем задачу по геометрии. – Учительница пыталась перекрыть взбудораженных учеников. – Осеанна, если твоя заметка готова, подходи к компьютеру и печатай.

Раз в два месяца выходила газета начальной школы, каждый уносил домой копию. Осеанна вызвалась написать про теракты, и учительница не стала возражать. Девочка нашла отличное название: «Перо сильнее меча». Привела факты: «Двенадцать человек убиты, из них двое полицейских; сорок шесть ранены, из них четверо в тяжелом состоянии». Сделала вывод: «Даже если вас обидели, людей убивать нельзя».

– Давай второе «из них» уберем, а то повтор получается, – посоветовала мадам Дюмейе, посмотрев на экран из-за плеча Осеанны. – Да, Лазарь, что ты хочешь?

– Можно я тоже напишу заметку?

– О чем?

– О самоповреждении!

– О чем, о чем?!

– О само...

– Нет, в газете места не осталось, – на полуслове оборвала его учительница.

В прошлый раз мальчик пытался сделать сообщение о школьной фобии... В глубине души мадам Дюмейе считала, что ребенку психолога не обойтись без проблем, но не признавалась в этом даже самой себе.

– Ты, Лазарь, лучше решай задачу.

По геометрии они сейчас проходили окружность. Читая условие задачи: «Начерти окружность диаметром 5 сантиметров», – Лазарь воткнул себе в указательный палец иглу циркуля. Вдавил ее поглубже. И еще. Он думал о Марго, рисуя кровью полоски на руке. Учительница, взглянув на его серьезное, страдальческое личико, решила, что он на нее обиделся.

– Лазарь, не отвлекайся.

Мадам Дюмейе подмывало написать красными чернилами послание отцу Лазаря, с которым она так и не познакомилась. Даже родительское собрание в начале учебного года месье Сент-Ив не соблаговолил посетить. Нет, все-таки надо бы его вызвать... Но что она ему скажет? «Вашему сыну необходима помощь психолога?..»

Тем временем, незаметно, пока возились с задачей по геометрии, размышляли о счастье на уроке этики и писали упражнения по французскому языку, школьный день подошел к концу. Учительница задала на дом выучить стихотворение; дети читали его прилежно, сложив руки на парте, глядя каждый в свою тетрадь.

*На школьных своих тетрадках,
На парте и на деревьях,
На песке, на снегу
Имя твое пишу.*

Так ответила мадам Дюмейе на все вопросы учеников о январских терактах.

*И властью единого слова
Я заново жить начинаю.
Я рожден, чтобы встретить тебя,
Чтобы имя твое назвать —
Свобода¹¹.*

Во дворе перед школой мадам Рошто ждала сына, по обыкновению купив ему булочку с шоколадом. И, как всегда, Поль появился не один, а вместе с Лазарем Сент-Ивом. Дома мадам Рошто только и слышала: Лазарь сказал то, Лазарь сказал это... Схватив булку, Поль сразу разломил ее и протянул половину приятелю, будто иначе и быть не могло.

– Здравствуй, Лазарь, как поживаешь? – Мадам Рошто любезно сделала вид, будто не заметила невежливости сына.

– М-м-м, – промычал тот в ответ, набив рот булкой.

Ну разумеется, с набитым ртом не поговоришь, однако мог бы хоть улыбнуться... Нет, повернулся и пошел себе прочь, покотив неуклюжий ранец на колесах. Удивительно, как дурно воспитан сын психолога!

---

¹¹ Стихотворение Поля Элюара, перевод М. Ваксмахера.

Лазарь спешил домой. По вторникам приходила Элла со школьной фобией. Ему не сразу удалось нарыть информацию об этой странной болезни, потому что поначалу он неверно ввел запрос в гугл: «Школьная мания». Потом все-таки выяснил, что бедная Элла честно заставляет себя ходить на уроки, но иногда из-за боли в животе или тошноты просто не может переступить порог школьного здания и вынуждена вернуться домой. В прошлый раз она торжественно пообещала, что больше не пропустит ни одного занятия... Смогла ли она сдержать обещание? Довольна ли теперь ее мама? Лазарь словно предвкушал новую серию увлекательного сериала.

* * *

Мальчик-метис по имени Лазарь, живший в особнячке под номером 12 на улице Мюрлен, никогда не входил к себе в дом через парадную дверь – она предназначалась для пациентов. Поэтому он завернул за угол и пошел по аллее Пуансо. Она привела к ограде небольшого садика. Лазарь прошел через сад, где слева от дорожки росла пальма и стоял сарай для хозяйственной утвари, а справа высился ржавый турник с качелями и канатом. Лестница в несколько ступенек вела на веранду, где хирели в горшках несколько растений, потому что им очень не хватало влаги. Лазарь толкнул дверь и вошел в уютную теплую кухню. Здесь он оставил ранец и, не снимая куртки, пересек границу, которая разделяла два мира: их, домашний, и рабочий, принадлежавший только отцу.

Лазарь проник в запретный для него отцовский мир месяц тому назад, темным декабрьским вечером, когда время тянулось медленно: он соскучился сидеть один на кухне и решил немного размяться, пройдясь по коридору. В коридоре он обратил внимание, что тупичок со стиральной машиной освещен – свет просачивался в коридор из-за приоткрытой двери. Она вела в отцовский кабинет и была со стороны кабинета завешена портьерой. Лазарь приблизился к двери на цыпочках. В щель проникал не только свет, но и звук голосов. Он уселся прямо на пол, и для него открылся волнующий и необыкновенный мир Сент-Ива, практикующего психолога.

Вот и в этот вторник Лазарь с осторожностью опытного домушника чуть приоткрыл волшебную дверь.

– Ну, как прошла неделя?

Лазарь улыбнулся, усевшись в полутемном коридоре поудобнее: повезло! Он успел к началу сеанса.

Лазарь никогда не видел Элли Кюипенс, двенадцатилетнюю девочку из пятого класса, но представлял ее себе светловолосой, с большими светлыми глазами. Как его мама. Он чувствовал, что немного влюблен в нее.

– Держалась до вчерашнего дня, – ответила она. – А вчера... Сначала я собиралась не пропускать уроки, несмотря на тошноту и вообще все... К тому же папа довез меня до школы и не спускал с меня глаз...

– Сидел и смотрел из машины?

– Да. Пока я не вошла в школу. Но я не пошла в класс. Меня так тошнило, что я пошла в туалет.

– Ты пошла в туалет.

– Да. Потом прозвонил звонок, а я там заперлась.

Элла избегала взгляда Спасителя, боясь прочитать в нем осуждение и огорчение. У нее были каштановые волосы, подстриженные коротким каре, густые ресницы, твердый рот, на носу – очки в черной оправе, какие обычно носят умные девочки.

– Ты весь день провела в туалете?

Послышался короткий смешок.

– Не-а! Мне удалось сбежать.

– Сбежать с уроков?

Опять смешок. Она смеялась от смущения.

– С физры.

– И ты вернулась домой?

Элла вздохнула. Ну да, опять все то же. Она снова огорчила родителей. Из школы им звонили по мобильнику на работу: «Где Элла?» Раздули целую историю.

– А что ты делаешь, когда остаешься дома одна? – поинтересовался Сент-Ив.

– Чаще всего залезаю под одеяло и смотрю комиксы. Приношу себе из кухни что-нибудь вкусненькое.

– Позавидуешь тебе. А не скучаешь? Совсем? Ни капельки?

– Скучаю немного. Иногда смотрю телевизор. Или придумываю истории.

– Какие?

– Ну, просто истории... всякие...

Бледное личико Эллы порозовело.

– А выходные как провела? – задал новый вопрос Сент-Ив. – Сестра оставила тебя в покое?

У Эллы была старшая сестра, Жад, ей исполнилось уже семнадцать, и, судя по всему, она была очень ревнивой.

– Жад говорит, что мама меня балует, что не существует никаких школьных фобий. А в воскресенье она устроила скандал, потому что я, видите ли, рылась у нее в шкафу.

– А ты рылась?

Элла замялась, прежде чем ответить «нет».

– Ты рылась, но совсем чуть-чуть, – предположил Сент-Ив.

Она засмеялась, но отрицать не стала.

– Я вам кое-что скажу, но вы никому, да?

– Из этих стен – ни слова без твоего разрешения.

Элла приоткрыла рот и как будто сама удивилась, что из него не вылетело ни звука. В кабинете стало тихо-тихо, секунды превратились в минуту.

– Хочешь – напиши, – предложил Сент-Ив.

Элла схватилась за рюкзак, вытащила ручку, ежедневник и вырвала из него листок. Нацарапала несколько слов, потом смяла бумажку и поднесла ко рту, словно собиралась проглотить, но все-таки протянула Спасителю. Он развернул и прочитал: «В воскресенье у меня начались месячные». Впервые, понял Сент-Ив. Этим и объяснялись тошнота, плохое самочувствие, сидение в туалете, побег с урока физкультуры.

– Ты знала, что однажды это с тобой произойдет?

– Да.

– И как тебе это показалось?

– Ужасно.

Спаситель понял, что она сейчас расплачется.

– А что тебе сказала мама?

– Ничего.

– Как – ничего?

– Я ей ничего не сказала.

– И поэтому рылась в вещах сестры... Искала то, что тебе понадобилось.

Элла закусила губу чуть ли не до крови и кивнула. Больше она не хотела об этом говорить.

– А кому-нибудь из подружек в классе сказала? – настаивал Спаситель.

– Нет! – вскинулась Элла.

– А своей кузине в «Фейсбуке»?

– Да нет, с чего я буду об этом говорить?

– Чтобы узнать, как справляются другие девочки. Они тебе что-нибудь посоветовали бы.
При месячных ведь бывают боли, да?

– Не хочу.

– Чего ты не хочешь?

– Не хочу об этом говорить.

– Ладно. А о чем хочешь говорить?

Снова повисло молчание. Прошла минута, другая.

– Я хочу домой, – пробормотала Элла и взялась за рюкзачок.

– погоди немножко. потерпи еще минут десять. Даже если я, здоровенный психолог, не смог уберечь тебя от месячных.

Она рассмеялась и тут же смахнула слезы, набежавшие на глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.